

АЛИ-ХАН <А. И. КУПРИН>

Футуристы и большевики

Они несомненные родственники.

Во всяком случае по отцу.

Родил их русский нигилизм. Уродливое, смешное и страшное явление. Нигилизм, ставящий отрицание не методом мышления, а самоцелью. Отрицание ради отрицания.

— Весь ваш Пушкин и вся старая рухлядь не стоят моего изношенного сапога! — кричит с эстрады молодой человек, у которого вся правая сторона клоунского костюма желтая, а левая голубая, лицо же раскрашено зелеными звездами и красными полумесяцами. — Долой Пушкина! Я есть единый мировой гений! Я! Владимир Шершеневский!

— Браво, рыжий! — кричит в восторге модернизированная публика, которой все равно, кому аплодировать — заезжему итальянцу Маринетти, цирковому Али-Бабе, глотающему горящую паклю, или королю скейтинг-ринга.

«Бога нет! Религия — опиум! Родина — глупый социальный абсурд! Брак — пошлость! Семья — вздор! Да здравствует III Интернационал и Красная коммуна!»

— Ура, товарищ Ленин! — вопят сознательные революционеры, которые самое слово «революция» пишут «леворуция» (от «левая рука»).

Футуризм зачат позднее, но появился на свет Божий раньше, в виде неспособного к жизни уродца, годного лишь для музейной банки со спиртом, а пока прозябающего в кювете для недоносков.

Большевизм родился, подобно Аттиле, весь обросший шерстью, с зубами во рту без неба и сразу же укусил до крови материнскую грудь.

И тот и другой обязаны своим временным, непрочным существованием не любви, не желанию, не вере, а распутному слу-

чаю, пьяной прихоти природы. Есть поверие, что блохи сами собою зарождаются, в песке после дождя.

Футуризм смешон. Большевизм страшен. Но основные общие их черты — придуманность и ненужность.

Футуризм можно понять и оправдать на Западе, где язык кристаллизировался в твердые, определенные формы, где жизнь отливается в готовые шаблоны. Там футуризм ищет простора, пробует пробить новые пути... Но зачем он России? Мы еще не исчерпали и малой части чудесных богатств нашего языка, нашей природы и нашего быта. Поистине футуризм был редкой, скверной, зловонной ягодой, выросшей на навозе обезьянства.

Нигде в мире не чувствовалась необходимость появления большевизма. Скорее можно было бы ожидать его возникновения в Европе, с ее скученностью населения, с ее жгучей остротой и спелостью рабочего вопроса, с широким развитием ее трудящихся масс... Но слепой судьбе было угодно, чтобы именно в России, в момент ее наибольшей усталости, неподготовленности и растерянности, был произведен нелепый и гибельный эксперимент. Едва завязавшийся бутон цветка нельзя расколупывать нетерпеливыми пальцами. Резать несозревший нарыв — значит распространять яд по всему телу, причиняя страшную боль. Большевистские опыты были так же несвоевременны, жестоки и бесполезны.

* * *

Большевизм, несомненно, уже склоняется к какой-то разумной эволюции, иначе бы ему предстояло, как скорпиону в огненном кольце, окончить жизнь самоубийством, ужалив себя самого в голову. Он ищет свежего воздуха.

Замечательно, что в то же время он заметно уклоняется от признания своего близкого родства с компрометантным уродцем. Футуристы больше уже не в чести и не в спросе. Близко время, когда его придется заключить в банку и поставить на полочку в кунсткамере, «в числе прочих монстров».

